

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Новый вектор исследования картины мира в области культурологического знания

Кузнецова Т. Ф. Культурная картина мира: теоретические проблемы. М. : ГИТР, 2012. 250 с.

Картина мира — это тот целостный образ мира, который выступает как пространство существования человека. Речь идет, естественно, не о физическом мире, развивающемся по объективным законам и обладающем рядом характеристик, которые оказывают непосредственное влияние и на человека — вплоть до его внешнего облика. Но это влияние осуществляется на уровне физиологическом, который весьма слабо связан с культурным уровнем, — ни разрез глаз, ни цвет кожи не отражаются на образе мира, формирующемся у определенной культурной группы. Эти различия носят символический характер, и они формируются в границах культурной реальности, определяя специфические для данной группы ценности, представления, идеологию, стандарты коммуникации, социально-психологические установки, эстетическое отношение к действительности, принципы духовного освоения мира, темпоральные координаты. Фактически картина мира — это тот особый взгляд на действительность, который, формируясь под влиянием внешних и внутренних обстоятельств развития человека, определяет всю систему представлений и проявлений социальной активности человека.

Именно эти обстоятельства позволяют говорить об актуальности новой книги извест-

ного автора — философа и культуролога, профессора Т. Ф. Кузнецовой. Работа, посвященная анализу культурной картины мира как теоретической проблемы, решает еще одну важную задачу. Автор стремится актуализировать понятие картины мира, которое, несмотря на свою методологическую и методическую эвристичность и емкость, заменяется в современном знании иными, сходными по значению, но не вполне конгруэнтными данному. Для актуализации этого понятия оно должно быть, по мнению автора, заново осмыслено и увязано «с определенным комплексом идей и подходов, которые выведут его из «тени» неактуальности» (С. 46).

В книге высказан ряд продуктивных в контексте современного научного знания идей. Это идеи о том, что слагаемыми культурной картины мира выступают социальная, художественная, научная картины мира; специфику философского языка картин мира определяют такие основные жанры философствования, как философская публицистика и эссеистика, эстетика, теоретическая философия и т. п.; картина мира, формируемая массовой культурой, существенно отличается от всех иных; одной из основных культурных универсалий, определяющих содержание картины мира, является категория времени.

С позицией автора относительно того, что специфика картины мира, доминирующей в современном обществе, в значительной степени задается двумя культурными универса-

лиями — пространством и временем, — безусловно, можно согласиться. Причем обе эти культурные константы, обладая физической природой, имеют и символическое содержание, и, как верно указывает автор, именно культура «производит» их (С. 137). От трактовки этих категорий, от их содержания зависит не только образ реальности, но и способность общества к развитию, к ответам на новые вызовы, возможность быть конкурентоспособным в геополитическом смысле. По сути, от того, какой образ пространства и времени складывается в культуре, зависят и ее наиболее существенные характеристики.

Можно поддержать идею автора о том, что представление о времени является центральным в картине мира, порождаемой каждой культурой. Историческая парадигма времени детерминирована преобладающими ритмами деятельности, доминирующими духовными ценностями, особенностями прогностического сознания. Естественно, что особенности понимания и переживания времени исторически изменчивы, и, поскольку отношение человека ко времени напрямую связано с проблемой смысла жизни, постольку и история культуры представляет череду попыток человека победить время и приобщиться к вечности. Можно сказать, что каждая культурная эпоха представляет определенную стратегию взаимоотношения со временем, — согласно М. Веберу, приспособление к миру, сопрягающееся с конфуцианским и даосистским типом религиозно-философских воззрений, бегство от мира, представленное в индуизме и буддизме, или овладение миром, характерное для иудаистского и христианского идеалов. По мнению Ю. Н. Давыдова, «в каждом из этих способов отношения к миру уже заключен, как в зародыше, соответствующий «образ» и «стиль жизни» людей — этически определенная модификация формы их существования» (Гайденко, Давыдов, 1991: 241–242). Точно так же, как человек избирает для себя наиболее адекватное место и модифицирует его согласно своим представлениям, он формирует и собственное время, адекватно отражающее его мировидение.

Уже в примитивном обществе мир соотносился с вертикальной шкалой, позволяющей

выделять ценности, находящиеся вне времени и относящиеся к вечности. В отличие от рационального мышления, преобладающего у современного человека и рассматривающего мир в горизонте причин и следствий, вертикальное, для которого вечность более реальна, чем время, искало ценности и смыслы. Для современного общества ориентированность во времени, настроенность на развитие, понятие прогресса и проекты будущего становятся его принципиальными отличиями. Точное осознание своего места в истории тем не менее не лишает человека ощущения безоружности перед временем, которое, лишившись оппозиции в виде вечности как духовной ценности, не предстает в качестве обесмысленного, десакрализованного. Земное время человеческой истории не изолировано от вечности, но соотносено с ней и может в определенные решающие моменты как бы «прорываться в вечность» (Гуревич, 1972: 99).

Но подобной способностью обладает не столь значительное число людей — большинство существует в профанном времени, соотносимом с повседневным существованием и временем физическим, лишенным вертикали вечности. В книге показано, что принцип историзма выступает в качестве универсального принципа социально-гуманитарного знания и специфическим образом отражается в искусстве (С. 137–163). Здесь степень отдаленности временной ориентации и мысленного проникновения социального субъекта в прошлое и будущее становится одной из важнейших форм проявления высокого уровня его интеллектуальной культуры: чем ниже уровень развития человека, тем меньше его интересует отдаленное будущее, «тем больше его помыслы сосредоточены на удовлетворении ближайших потребностей, хотя бы это было в ущерб его интересам в будущем» (Спиркин, 1960: 416).

Характерно, что именно в XX в. наряду с этерналистскими теориями (Платона, Плотина, Августина, Федорова и других философов), где мораль и духовность приобретали смысл «под знаком вечности», а присутствие самой идеи вечности в душе человека выдвигалось в качестве основного аргумента в пользу

идеи бессмертия души, а также наряду с темпоралистскими, рационалистическими концепциями (Гераклита, Гегеля, Хайдеггера), где предметом пристального внимания стало время как процесс развития жизни и необходимость его нравственного осмысления, возникает группа презентистских теорий (Шопенгауэра, Ницше, Фрейда), подменяющих высший уровень субъективности низшим. Сфера бессознательного, не знающего времени, в данном контексте выступала как вектор детерминации человеческих действий, которые, хотя и сохраняли свой вертикальный характер, но меняли направленность от высших причин, связанных в мифологическом сознании с божественным, к низшим побуждениям, символизированным в мифе силами зла. Эта презентистская установка стала ведущей для человека массового общества, она детерминировала его активность, позволив пренебречь теми смыслами, которые соотносились с идеей вечности и высшими ценностями.

Этот аспект современного общественного развития активно разрабатывается в книге Т. Ф. Кузнецовой, где целая глава посвящается особенностям картины мира, сформированной массовой культурой. Автор учитывает, что картина мира современного человека состоит не столько из информации, которую он получает им из собственного опыта, приобретенного в течение жизни, — таких знаний оказывается в человеческом сознании всего 10–15%, — сколько предоставляется ему средствами массовой коммуникации. Но в современном обществе массмедиа сменили свою функциональность, они перестали быть источником информации о подлинной реальности и выступать в качестве способа расширения собственного пространства и времени. Сегодня основная функция средств массовой коммуникации и массовой культуры как наиболее эффективного механизма воздействия на массовое сознание — формировать представления людей о реальности: об истории, Вселенной, окружающем мире и причинности событий в живой и неживой природе, закономерностях развития общества, критериях прогресса, смысле человеческого существования, степени значимости

феноменов и явлений окружающей действительности.

И автор книги отмечает этот факт, абсолютно верно указывая, что «уникальной особенностью» массовой культуры «стало рождение «картины мира», представляемой читателю из технологии производства текстов» (С. 178–179). Естественно, что и картины мира современных индивидов оказываются во многом схожими, поскольку они сформированы глобальной инфосферой, ставшей источником, основным каналом получения информации, способом приобщения к миру и его событиям, посредником в формировании культуры, а также важнейшим фактором, трансформирующим всю систему духовного производства. В целом этот процесс можно считать положительным — общность представлений людей планеты становится основой того, что называется общечеловеческими ценностями, мировой культурой.

Однако необходимо с большой осторожностью относиться к тому, что представляется массмедиа в качестве универсальных ценностей. Очевидно, что ценности либерализма и демократии, свободы и равенства, будучи принятыми всеми человеческими сообществами, осознаются иногда принципиально различным образом. И то и другое приводит к формированию совершенно разных поведенческих систем, например в арабских и европейских странах, в ареалах распространения конфуцианства и христианства. Иными словами, общность, формируемая средствами массовой коммуникации через распространение единой информации, является не столь прочной, чтобы стать основанием для глубокого диалога культур, основанного на стратегиях понимания, а не только толерантности. Можно с уверенностью говорить о том, что наиболее универсальной сегодня является одна ценность, распространение которой осуществляется через каналы средств массовой коммуникации и через механизмы массовой культуры, — это ценность потребления.

Потребление сегодня выступает наиболее универсальной стратегией взаимоотношения человека и общества, обладающей качествами, во-первых, универсальности, во-вторых, пре-

дельной формализации. Человек потребляющий ориентируется на достижение внешних результатов и стремится выработать у себя черты и качества, не только санкционированные общественными группами, институтами и отдельными индивидами, но и ожидаемые, требуемые. Те же уровни развития личности, где человек выступает как индивидуальность, отражающая его экзистенциальные установки и ориентации, систему личностных смыслов, самосознание, остаются неразвитыми, не позволяя человеку выступать в качестве самостоющего существа, обладающего ярко выраженной персональной идентичностью. Соответственно, картина мира индивида, детерминированного стратегиями потребления и ориентирующегося на качество товаров на глобальном рынке, складывается из того «семиотического материала культуры» (Стивенсон, 2002: 7), который позволяет сделать его социальную жизнь осмысленной, оставляя его культуру на уровне воспроизводства матриц, связанных с воспроизводством. Картина мира подобных индивидов характеризуется упрощенностью, нацеленностью на внешние социальные факторы, часто ложные или имитируемые, фрагментарностью, которая восполняется неверной или неполной информацией, предоставляемой через каналы средств массовой коммуникации и через механизм массовой культуры.

Можно согласиться с автором в том, что понятие «картина мира» выступает как онтологическое по своей сути, отражающее специфику бытия человека в исторической и социальной перспективе. При этом научность данного понятия определяется не только тем, «что оно вырабатывается научной философией», но и тем, «что оно выработано всей совокупностью наук» (С. 46). В работе отражается различие позиций по вопросу о возможности построения общенаучной картины мира и о продуктивности этого замысла, учитывается точка зрения многих авторитетных философов, в частности В. С. Степина, указывающего на излишнюю абстрактность результатов, полученных благодаря синтезу наук в этом вопросе, а также на лидирующие позиции физической науки в построении естественно-научной кар-

тины мира (С. 47). Однако автор данного исследования небезосновательно убеждена в том, что рассмотрение проблемы картины мира как интегративной может способствовать существенному продвижению наук в осмыслении физической и социальной природы и стать междисциплинарным проектом.

Автор вскрывает отличия философской, научной, социальной, художественной картин мира, показывая специфику трактовки самого понятия, выступающего как исторически обусловленное. В работе подчеркивается, что «если в XIX в. картина мира трактовалась как философско-мировоззренческое построение, то для XX в., особенно для его второй половины, это научно-философская система представлений об общих свойствах и закономерностях мира (природы, социальной среды)» (С. 45). В книге абсолютно верно показано, что даже научная картина мира как наиболее достоверная с точки зрения адекватности отражения физических и социокультурных процессов обладает подвижностью. При этом новые знания выступают подчас не только в качестве факторов дополнительных по отношению к предшествующим (подобной дополнительностью обладала геометрическая система Лобачевского по отношению к Эвклидовой геометрии), но и факторов, отрицающих существующие.

Причина здесь не только в существенном и стремительном продвижении науки в современную нам эпоху, но и в существенном изменении принципов социального глобального мироустройства. Наблюдения и открытия, сделанные И. Стенгерс и И. Пригожиным, конечно, прежде всего касались природных явлений. Однако эти открытия были совершены параллельно с открытиями в социальном мире, который стал развиваться на принципиально новой основе — глобальной. Стало очевидно, что новые технологии, позволяющие многократно ускорять передачу информации и транслировать ценности, представления, даже картины мира, не только способствуют выстраиванию новой геополитической ситуации, но и подчиняются иным принципам. Именно поэтому синергетика — не только методология изучения физического мира природы, но и социального мира людей. При этом линей-

ная диалектика как наиболее апробированная система в решении многих вопросов уступила приоритет нелинейной, в рамках которой даже материя может быть рассмотрена не как данность, но как «продукт истории» (И. Пригожин, И. Стенгерс).

В контексте систем метафизической и пост-метафизической науки и философии стал актуальным вопрос о проблематичности построения единой и системной концептуальной модели мира в понятийном пространстве классической и постклассической науки и философии. Так, трактовка прогресса культуры как оптимизации структурного, организационного и функционального содержания сложных систем, пребывающих в состоянии устойчивого неравновесия со средой, что было характерно и для трактовки этого процесса классической наукой, дополняется пониманием прогресса как процесса производства анти-энтропийных факторов, способствующих сохранению и стабилизации систем, в том числе социокультурных, находящихся в неустойчивых фазах существования — кризисных, бифуркационных, предполагающих множественность сценариев дальнейшего развития.

И здесь чрезвычайно важным представляется вопрос о причинах проблематизации этого аспекта современного знания о культуре, которое не только осмысливается в категориях плюральности, но — что более важно — само развивается по законам неравновесной системы, демонстрируя многообразие эволюционных векторов развития. Человек же начинает по-новому осознавать свое место в мире и значение своей деятельности для развития всего человечества, иначе формировать свою картину мира. Эти культурные процессы являются переменными и стихийными, включающими разнонаправленные и противоречивые, а порой взаимоисключающие тенденции. Логика их развития не подчиняется принципам классического детерминизма и наиболее адекватно может быть исследована с помощью методов нелинейной диалектики, трактующей развитие как сложный процесс с непредсказуемыми последствиями, допускающей вариантность истины и предполагающей множественность решений (см.: Панарин,

1999). В связи с этим представляется продуктивной позиция автора, признающей, что «нелинейному мышлению необходимо специально обучать, поскольку в обыденной жизни оно вырабатывается слишком поздно», «необходимо создавать соответствующую среду, которая была бы привлекательной и позволила увидеть эффект более продуктивного нелинейного подхода и выявить слабости жесткого причинно-следственного понимания ситуации» (С. 195).

Очевидно, что в этом мире чрезвычайной сложности и варибельности необходимым становится инструмент, обладающий способностью упорядочить не столько имеющиеся знания, сколько многообразие их трактовок. Таким инструментом является картина мира, основная функция которой состоит в создании того образа действительности, который будет открытым для понимания, который будет обладать качеством цельности и глобальности, универсальностью объяснительного потенциала, который будет соотноситься с ценностной системой человека и сообщества, его этическими принципами и нормами и который также будет обладать проективностью и оптимистичностью. Картина мира помогает сознанию выстроить такой образ реальности, который: а) будет способствовать взаимодействию человека с социально и культурно близкими ему людьми; б) позволит гармонизировать его соотношение с миром; в) будет обладать особенностями, определяемыми понятием справедливости; г) позволит воспринимать мир в качестве обладающего определенным порядком, логикой, как не стремящегося к разрушению и деформации, в качестве цельного, непротиворечивого и целесообразного. Очевидно, что различия в картинах мира и образуют то различие символических пространств, которые создаются человеком и задают характеристики человеческому существованию. Суть этих характеристик, если прибегнуть к определению ценностного мира Г. Риккертом, не в их фактичности, но в их значимости. Не важно, чем они являются в действительности, важно то, что они значат для данного культурного сообщества и конкретного человека, так как именно символиче-

ские функции задают вектор развития каждого человека и каждой социальной группы.

И в этом смысле можно поддержать замысел автора книги, во-первых, в его стремлении раскрыть картину мира современного человека как наиболее полную его характеристику, во-вторых, актуализировать саму проблематику картины мира как продуктивную в гносеологическом плане и современную сегодняшнему состоянию науки, переходящую от методологии классической к постклассической, постмодерной и даже постпостмодерной. Все это свидетельствует об актуализации нового подхода к этой проблеме, возможного к развитию в рамках культурологии как науки, соответствующей по своему содержанию, принципам построения и методологическим основаниям. «И так же, как постмодернизм подводит определенную черту под историческим периодом, соотносимым с первым осевым временем, — завершает свою книгу автор, — так исчерпывает себя в науке продуктивность... методологий в отношении построения картин мира, что предполагает формирование нового вектора исследовательских поисков в области культурологического знания» (С. 199).

А. В. КОСТИНА

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гайденко, П. П., Давыдов, Ю. Н. (1991) История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М. : Политиздат.

Гуревич, А. Я. (1972) Категории средневековой культуры. М. : Наука.

Панарин, А. С. (1999) Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М. : Эдиториал УРСС.

Спиркин, А. Г. (1960) Происхождение сознания. М. : Госполитиздат.

Стивенсон, Н. (2002) Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация: Контуры XXI века : реферат. сб. Ч. 3. М. : ИНИОН. С. 5–16.

A NEW VECTOR OF WORLDVIEW STUDIES IN THE FIELD OF CULTUROLOGICAL KNOWLEDGE

Kuznetsova T. F. Kul'turnaia kartina mira: teoreticheskie problemy [Cultural Worldview: the Theoretical Problems]. М. : GITR, 2012. 250 s.

A. V. KOSTINA

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Gaidenko, P. P., Davydov, Yu. N. (1991) Istoriia i ratsional'nost'. Sotsiologiya M. Vebera i veberovskii renessans. М. : Politizdat.

Gurevich, A. Ia. (1972) Kategorii srednevekovoi kul'tury. М. : Nauka.

Panarin, A. S. (1999) Global'noe politicheskoe prognozirovanie v usloviakh strategicheskoi nestabil'nosti. М. : Editorial URSS.

Spirkin, A. G. (1960) Proiskhozhdenie soznaniia. М. : Gospolitizdat.

Stivenson, N. (2002) Globalizatsiia, natsional'nye kul'tury i kul'turnoe grazhdanstvo // Globalizatsiia: Kontury XXI veka : referat. sb. Ch. 3. М. : INION. S. 5–16.